

Глава 2. Призрачная картина (часть 2)

Цзян Ехун окончательно вспылел:

— Я лично осматривал место происшествия. Ли Фугуй, скорее всего, был отравлен. К тому же в момент смерти в комнате находился не только тот танцор. Танцор может быть преступником, не спорю, но отправлять человека за решетку без веских улик — это, по-вашему...

Лю Чэн, человек по натуре осторожный и превыше всего ценивший спокойствие, предпочитал действовать наверняка:

— Он под подозрением, и этого достаточно. Мы заперли его, чтобы он не сбежал и не уничтожил улики — обычная практика. Твоя задача — раскрыть дело, и как можно быстрее. Ли Фугуй был вхож в окружение Цинь-вана, из поместья уже присылали людей с расспросами. Нам нужно поторопиться.

«Делать нечего, начальство всегда право», — угрюмо подумал Ехун. Кем бы он ни был в прошлом, сейчас он — всего лишь ловец, служащий столичной управы, пусть и с императорским жетоном на поясе. Если сверху прикажут прыгать в выгребную яму — придется прыгать. Раздраженно взъерошив волосы, он направился в мертвецкую.

Судебный исполнитель Хо Ча, мужчина за сорок, был неопрятен, зарос щетиной и обладал внушительным брюшком, которое резко контрастировало с его на диво худощавым лицом. Говорил он всегда неспешно, растягивая слова:

— Господин Чу, что же вы так долго?

Ехун откашлялся, стараясь придать себе официальный вид:

— Задержался в пути. Ну, что тут у нас? Яд?

Хо Ча стащил перчатки, взял чашку с сукровицей и поболтал ею перед лицом Ехуна:

— Глядите сами. Серебряная игла цвет не сменила, так что на отравление не похоже. Но вот вопрос: почему здоровый мужик внезапно испустил дух, истекая кровью из всех отверстий? И на глаза его посмотрите.

Ехун глянул и невольно нахмурился. На месте глаз Ли Фугуя зияли две жуткие кровавые дыры. Смерть от «излияния крови через семь отверстий» — дело известное, но чтобы глазные яблоки буквально лопнули...

— А с глазами что?..

Хо Ча скривился:

— Словно расплавились. Исчезли. Но признаков яда нет. Подозреваю внезапную кончину от удара.

У Ехуна разболелась голова. Понять причину смерти решительно не удавалось. Судя по его собственному богатому опыту в боевых искусствах, такое могло случиться, если человека ударили мощным выбросом внутренней энергии, буквально разворотив нутро.

— Внешние повреждения есть?

Хо Ча развел руками:

— Никаких. Если хотите знать, нет ли внутренних, придется подождать, пока я его вскрыю.

Ехуна слегка замутило.

— Ты... ты работай, не спеши. А я пойду.

Больше всего на свете Ехун любил прямолинейные схватки и звон стали. Проводить дни в компании трупов, когда завтрак то и дело просится наружу вместе со вчерашним ужином — участь незавидная. У выхода он столкнулся с Чжао Чэнем. Тот уплетал баоцзы, набив рот так, что щеки едва не лопались.

— Ну, что там Лао Хо говорит? — невнятно пробормотал он.

Ехун выхватил из его бумажного пакета один пирожок. С самого утра он маковой росинки во рту не видел — сначала осмотр места происшествия, потом бесконечные блуждания по улицам. На душе было муторно.

— Старик говорит, походу, сам помер. От удара. Но чтобы знать наверняка, надо потрошить...

Чжао Чэнь поперхнулся и закашлялся.

— А маленького танцора из Ижэнь-гэ уже в казематы упекли. Хоть и мужчина, а неженка — глаза на мокром месте, личико жалобное... Тьфу! Аж сердце екнуло. Неудивительно, что Ли Фугуй за один его танец золотом сорил.

— Какой бы красавец ни был, а всё одно — мужик. Да и дело это какое-то тухлое, и искать здесь, по-моему, нечего.

Чжао Чэнь пихнул Ехуна локтем в бок и хитро прищурился:

— Слушай, Глава Чу, ты после той дождливой ночи сам не свой. Раньше из шкуры вон лез ради каждого дела, а теперь на всё плевать. Ты часом не одержим? Может, злой дух в тебя вселился?

Ехун отломил кусок пирожка и принялся яростно жевать, словно это была плоть его злейшего врага. Он и сам бы не отказался узнать, не в одержимости ли дело. Подавиться в прошлой жизни грецким орехом — это надо было умудриться! Судьба дала ему второй шанс, но почему-то в теле ловца из Люшаньмэнь, где работы по горло, а денег — кот наплакал.

— Как там говорится... в те поры и в нынешние времена — всё едино, да не одно и то же.

Раньше — это когда он был вольным мастером, сейчас — чиновничья ляжка. Но объяснять это было бесполезно: Ехун сроду книг не читал, грамоте едва обучен, так что красиво изъясняться не умел.

Чжао Чэнь окончательно запутался:

— Что за «поры»? О чем ты вообще?

— Закончил я, — к ним подошел Хо Ча, вытирая руки. — Внутренних повреждений нет. Точно сам помер. Внезапно.

Ехун нахмурился:

— «Точно» или «наверное»? Так дело не пойдет.

— Мое дело — труп осматривать, — отрезал Хо Ча. — А искать улики — твоя забота.

— Ладно. Пойду потолкую с этим танцором, — буркнул Ехун.

В темницах Люшаньмэнь всегда пахло сыростью и безнадеей. Контингент здесь подобрался пестрый: воры, убийцы, мошенники всех мастей. Увидев симпатичного юношу в соседней камере, они не упускали случая отпустить сальную шуточку или оскорбление. А-Жо, словно напуганный кролик, забился в угол, обхватив колени и низко опустив голову. Что бы ему ни кричали, он не шевелился.

Но стоило войти Ехуну, как гомон мгновенно стих. Большую часть этих забулдыг Ехун ловил

лично. В дедукции он, может, и не был силен, зато в мордобое и задержаниях ему равных не находилось.

А-Жо поднял голову. Глаза его были красными от слез, но даже в таком состоянии он старался соблюдать приличия:

— Господин Чу... Клянусь, я не убивал почтенного Ли.

Ехун почувствовал, как сердце предательски екнуло. Он подошел ближе и примирительно сказал:

— Не бойся. Костоправ наш говорит, что Ли Фугуй сам преставился, от удара. Найдем подтверждение — и выйдешь на свободу.

Посмотрев на то тощее сборище отребья, что пялилось на юношу похотливыми взглядами, Ехун невольно посочувствовал бедолаге.

— Когда Ли Фугуй пришел к тебе, было в нем что-то странное?

А-Жо судорожно вцепился в подол своих одежд, пытаясь вспомнить:

— Юаньвай Ли был сильно пьян. Говорил, что катался по озеру с хозяином Лавки Собирания Сокровищ и перебрал лишнего. Из странного... он вел себя очень беспокойно. Постоянно вскакивал, снова садился, глаза блестели, будто он был чем-то страшно возбужден. Не знаю, важно ли это...

— Места себе не находил... А на здоровье не жаловался?

А-Жо покачал головой:

— Нет.

Ехун досадно крикнул. Такие головоломки его всегда бесили — то ли дело честный поединок: кто упал, тот и проиграл. Раздраженно ударив кулаком по решетке, он поймал на себе испуганный взгляд юноши и тут же смягчился:

— Потерпи еще немного. Как там говорят... черное белым не станет, а правду в мешке не утаишь. В общем, не переживай особо.

Когда Ехун уходил, он заметил блеснувшие в глазах А-Жо слезы, и на душе стало совсем скверно. В конце концов, его долг как мастера боевых искусств — защищать слабых, а

несправедливость творилась прямо у него под носом.

Покинув тюрьму, он напрямик направился в Лавку Собирания Сокровищ. Пришлось пару раз переспросить дорогу — топографическим кретинизмом он страдал с рождения. Хозяин лавки, Лу Чан, оказался толстяком с физиономией улыбчивого Будды. От каждого его шага каменные плиты пола, казалось, готовы были пойти трещинами.

— Господин Чу! Какими судьбами? В моей лавке найдется всё: от свитков до древних ваз. Присмотритесь, для вас сделаю скидку.

В голосе Лу Чана сквозила такая жилка пронырливого торгаша, что Ехун сразу почувал: стоит открыть рот, и кошелек опустеет.

— Слышал, вы с Ли Фугуем приятельствовали. Знаете уже, что он в Ижэнь-гэ дух испустил?

Лу Чан картинно вздохнул, изображая скорбь:

— Эх, пути небесные неисповедимы. Бедный Юаньвай Ли... Всегда говорил, что богатство его в могилу сведет. Вот и накаркал. Советовал я ему — бросай ты этот разгул, до добра не доведет...

«Ну и сволочь же ты, — подумал Ехун. — Раз богатство так тяготило, чего ж он беднякам его не раздал?» Глядеть на эту лоснящуюся рожу было противно.

— Перед смертью он здесь у вас пил, верно?

— Так точно. Мы с Юаньвай Ли часто коротали время за вином и созерцанием картин. В тот день к нам заглянул знаменитый мастер каллиграфии Линь Минчжоу, были и другие старые друзья. Мы арендовали лодку на Озеро Наблюдения за Журавлями, пили, стихи слагали... Благородное было собрание.

Ехуна передернуло при мысли о поэтических вечерах. От одних разговоров о рифмах у него мурашки по коже бежали.

— И что, Ли Фугуй вел себя как обычно?

— Совершенно, — заверил Лу Чан. — Никаких странностей.

Говорил толстяк вкрадчиво, растягивая фразы, что раздражало еще сильнее.

— А враги у него были? Кому он мог дорогу перейти?

Лу Чан неопределенно качнул головой, отчего его щеки затряслись:

— Помилуйте, господин Чу! У человека с таким состоянием и полным гаремом красавиц завистников — пруд пруди. А вот чтобы настоящие враги... кто знает? У каждого свои тайны.

Ехун понял, что из этого масляного мешка правды не вытрясти, и, махнув рукой, ушел. В Люшаньмэнь его уже ждал Чжао Чэнь, вернувшийся из дома покойного. Он присосался к кувшину с водой, осушив его в несколько глотков.

— Глава Чу, я разузнал. Ли Фугуй действительно весь день пил на лодке. Но слуга его божится, что видел, как хозяин с Лу Чаном крепко повздорили.

— Повздорили? Из-за чего?

— Похоже, Ли Фугуй требовал, чтобы Лу Чан поскорее продал какую-то картину. Слуга стоял далеко, слышал обрывки... Упоминали «Полет небожительниц». Слышал о такой? Лет десять назад ее написал Го Цзыкуан. Тогда он был безвестным маляром из глухомани и продал полотно за жалкие десять лянов. А теперь он — придворный художник, и цена этой картинки взлетела до ста тысяч.

Ехун искренне не понимал, как кусок холста может стоять таких сумасшедших денег.

— Если она давно продана, как она оказалась у Лу Чана? И почему Ли Фугуй так настаивал на продаже?

— Кто ж его знает, — пожал плечами Чжао Чэнь. — В антикварном деле вещи постоянно из рук в руки кочуют. Где Лу Чан ее раздобыл — его секрет.

Ехун решительно закатал рукава:

— Пошли. Снова навестим этого толстяка. Раз он решил со мной в кошки-мышки поиграть — я ему устрою.

Они вернулись в Лавку Собиранья Сокровищ. Приказчик сообщил, что хозяин изволит почивать наверху. Звали долго — никто не откликнулся. Ехун, недолго думая, вышиб дверь ногой.

Лу Чан лежал на полу лицом к выходу. Зрелище было не для слабонервных: кровь из всех семи отверстий, лицо искажено такой гримасой ужаса, будто он увидел самого Князя Тьмы. Приказчик, заглянувший через плечо ловца, с воплем скатился по лестнице.

Ехун поднял взгляд. На стене прямо напротив входа висела картина. Сквозь клубы тумана три небожительницы устремлялись ввысь, их юбки изящно развевались на ветру, а лица казались пугающе живыми. Та, что была посередине, изогнула запястье, прижав левую руку к груди, а правую воздела вперед, широко расставив пальцы. Две другие девы замерли чуть ниже по бокам в неестественных позах, с вывернутыми вверх руками. Казалось, это не полет, а некий жуткий танец, где центральная фигура тащит за собой двух марионеток.

В комнате пахло благовониями — на столе еще дымилась палочка, сгоревшая лишь наполовину. Ни следов борьбы, ни взлома. Судя по позе покойного, он стоял прямо перед картиной, а потом рухнул навзничь. На столике стоял кувшин с недопитым вином.

Ехун всмотрелся в полотно. На мгновение ему почудилось, что небожительница в центре едва заметно усмехнулась. Он протер глаза — картина оставалась неподвижной. «Привидится же...»

Выйдя из комнаты, он прикрикнул на трясущегося приказчика:

— Твой хозяин перед тем, как подняться сюда, вел себя странно?

— Н-нет... всё как обычно... — заикаясь, выдавил тот.

Ехун указал на кувшин:

— Он всегда пил перед сном?

— Да... Хозяин без вина жизни не мыслил. Госпожа лично подогрела его и принесла в комнату.

— А картина эта? Откуда она взялась в лавке?

<http://bllate.org/book/17428/1648452>